

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 645-654. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.645
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Nikolai I and State Council: First Steps

David I. Raskin ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the relationship of Nicholas I and the State Council in the first year of the emperor's reign. The memorandums of the General Assembly of the State Council were the main source of this research. Namely these documents were submitted to the emperor. His resolutions on memorandums served as the basis for the approval (or revision) of the decisions of the State Council. The resolutions of Nicholas I are an important source for studying of his position on the important issues of legislation and management. They reflected the aspiration of the young emperor to delve into all the questions that were proposed for his consideration. These resolutions indicate that Nicholas I learned rather quickly the technique of government and the basics of the legislation of the empire, which he began to rule. They also testify to the confidence with which the emperor, who had no experience in government, began his activity. The role of the State Council in the period under review was very large, not only in the field of legislation, but also in the field of law enforcement, in the adoption of specific administrative and judicial decisions by the authorities. The article discusses the composition of the State Council at the time (for the period from the end of 1825–1826), the educational level, professional experience and age characteristics of the council members. During the period under review, members of the State Council were indeed the bureaucratic elite of the Russian Empire. The first steps of the joint activity of Nicholas I and the State Council largely determined the further interaction of the emperor and the supreme legislative institution of the empire. These steps became an important experience for Nicholas I.

Keywords: State Council, Russian Empire, memorandums, Nicholas I, resolutions, legislation, government, law enforcement, bureaucratic elite.

1. Введение

Начиная с Н.П. Ерошкина в литературе закрепилось мнение, что при Николае I роль Государственного совета была снижена, хотя в абсолютистской монархии «Государственный совет занимал определенное место, являлся весьма важным звеном законодательного механизма». (Ерошкин, 1981: 93-95).

При этом недооценивается роль Государственного совета в практике сепаратного законодательства, игравшей значительную роль в правовой системе Российской империи, правоприменения (в ходе рассмотрения в совете в качестве высшей инстанции уголовных и гражданских дел), а также экономической политике (в силу прохождения через совет бюджетных и внебюджетных ассигнований).

За обобщающими характеристиками остаются в тени подробности взаимодействия Николая I с Государственным советом, первые опыты совместной работы императора с высшими сановниками империи, существенно повлиявшие на дальнейшую деятельность самого монарха и совета и во многом способствовавшие приобретению молодым императором административного и законодательного опыта.

* Corresponding author

E-mail addresses: d.raskin@mail.ru (D.I. Raskin)

Все это делает рассмотрение первых шагов взаимодействия Николая I с Государственным советом актуальной задачей исследования.

2. Материалы и методы

Основным источником изучения деятельности Государственного совета и его взаимодействия с Николаем I являются мемории Общего собрания Государственного совета, сохранившиеся в коллекции меморий Общего собрания и департаментов (РГИА. Ф. 1159).

Мемории – краткое изложение журналов заседаний коллегиальных учреждений, в том числе Государственного совета (Государственность России, 2009: 27).

Мемории Общего собрания Государственного совета в концентрированном виде содержат информацию о рассмотрении дел в совете. Именно они были объектом личного рассмотрения императором, резолюции которого на них и служили основанием для утверждения (или пересмотра) решений совета.

Статьи меморий по уголовным и гражданским делам представляют особый интерес, т.к. демонстрируют реальное применение правовых норм в Российской империи до издания Свода законов.

Собственноручные пометы Николая I на мемориях отражают позицию императора по основным вопросам внутренней политики, его личное отношение к конкретным казусам, рассматривавшимся в Государственном совете. Они свидетельствуют о степени его проникновения в подробности законодательства, административной и судебной практики, тщательности изучения им вопросов, по которым монарху принадлежало принять окончательное решение.

В качестве хронологических рамок избран первый год царствования Николая I (14 декабря 1825 г. – 1826 г.), а в качестве основного метода исследования – фронтальное изучение всего корпуса меморий Общего собрания Государственного совета и резолюций императора за этот период. Такой «микроанализ» наиболее соответствует поставленной задаче.

Для характеристики облика членов высшего законосовещательного учреждения империи в рассматриваемый период, их образования, служебного опыта и распределения по поколениям (игравшего немалую роль для характеристики состава Государственного совета) использованы данные, имеющиеся в авторитетных биографических справочниках.

3. Обсуждение

Во всех работах, посвященных истории Государственного совета Российской империи, заметное место уделено периоду царствования Николая I (Щеглов, 1903; История Государственного совета Российской империи, 2008).

Теме участия Николая I в работе высших учреждений России посвящена публикация М.А. Корфа, основанная на личных воспоминаниях (Корф, 1896). Специально особенностям функционирования Государственного совета при Николае I посвящена монография И.В. Ружицкой (Ружицкая, 2018). Взаимоотношения Николая I с высшим законосовещательным учреждением империи отражены и в ряде исследований, посвященных политической истории России первой половины XIX в. (Ерошкин, 1981; Мироненко, 1990 и др.). Так или иначе вопросы взаимодействия Николая I с Государственным советом затронуты в работах о Николае I, как написанных с апологетических позиций (Шильдер, 1903; Боханов, 2008; Тарасов, 2008), так и с более взвешенных или критических позиций (Сыромятников, 1913; Капустина, 1993; Выскочков, 2001; Николай I: личность и эпоха, 2007).

4. Результаты

Николаю I достался Государственный совет, состоявший из сановников времени Александра I. На первых порах состав совета обновился лишь незначительно.

Хотя Николай I с самого начала исходил из убеждения в необходимости лично вникать во все подробности управления, он понимал, что в деле законодательства не обойтись без квалифицированных экспертов и считал нужным подвергать всестороннему обсуждению все вопросы, требовавшие законодательного разрешения. Существование Государственного совета в системе органов власти Николай I признавал необходимым, а его составу и руководству уделял первостепенное внимание (История Государственного совета Российской империи, 2008: 51).

На конец 1825 г. в состав Государственного совета входили гр. А.А. Аракчеев (1769–1834), А.Д. Балашов (1770–1837), А.У. Болотников (1753–1828), И.В. Васильчиков (1776–1847), гр. П.Х. Витгенштейн (1768–1843), кн. П.М. Волконский (1776–1852), П.В. Голенищев-Кутузов (1772–1843), кн. А.Н. Голицын (1773–1844), кн. Д.В. Голицын (1771–1844), Ф.А. Голубцов (1758–1829), В.П. фон Дезин (1740–1826), бар. И.И. Дибич (1785–1831), Е.Ф. Канкрин (1774–1845), П.К. Карцов (1750–1830), гр. В.П. Кочубей (1768–1834), кн. А.Б. Куракин (1759–1829), гр. М.И. Ламздорф (1745–1828), В.С. Ланской (1754–1831), гр. Ю.П. Литта (1763–1829), кн. Д.И. Лобанов-Ростовский (1758–1838), кн. Я.И. Лобанов-Ростовский (1760–1831), кн. П.В. Лопухин (1753–1827), вел. кн. Михаил Павлович (1798–1849), Н.С. Мордвинов (1754–1845), гр. А.И. Морков (1747–1827),

гр. К.В. Нессельроде (1780–1862), гр. Ф.В. фон дер Остен-Сакен (1752–1837), В.А. Пашков (1764–1838), гр. С.О. Потоцкий (1762–1829), гр. С.П. Румянцев (1755–1838), А.А. Саблуков (1749–1828), кн. С.Н. Салтыков (1776–1828), М.М. Сперанский (1772–1839), А.Я. Сукин (1764–1837), П.К. фон Сухтелен (1751–1836), гр. (с 1826 г.) А.И. Татищев (1763–1833), гр. П.А. Толстой (1770–1844), маркиз И.И. де Траверсе (1754–1830), И.В. Тутолмин (1751–1839), кн. А.А. Чарторыйский (1770–1861), А.С. Шишков (1754–1841), кн. Н.Б. Юсупов (1750–1831), всего 42 человека.

В течение 1826 г. были назначены: гр. М.С. Воронцов (1782–1856), герцог Александр Вюртембергский (1771–1833), гр. (с 1826 г. св. кн.) К.А. Ливен (1767–1845), Н.Н. Раевский (1771–1829) (*История Государственного совета Российской империи*, 2008: 628–629; Шилов, Кузьмин, 2007: 46–48, 81–82, 128–132, 146–154, 199–201, 206–210, 266–269, 276–281, 363–365, 438–439, 459–460, 505–512, 516–518, 594–597, 642–643, 655–658, 711–715, 720–721, 744, 763–765, 768–770, 810–812, 890–893; Шилов, 2002: 53–58, 131–133, 149–153, 171–172, 185–187, 200, 308–312, 362–365, 387–389, 405, 415–419, 422–424, 426–428, 483–489, 509–512, 561–562, 719–720, 747–750, 754–755, 795–798, 842–846).

Председателем Государственного совета в течение всего 1826 г. оставался кн. П.В. Лопухин. Председателями департаментов были: Законов – В.А. Пашков, Гражданских и духовных дел – Н.С. Мордвинов, Государственной экономии – гр. А.Б. Куракин, Военных дел – гр. П.А. Аракчеев (в случае отсутствия Аракчеева его замещал А.Я. Сукин), а после того, как он был 30 апреля «уволен за границу к водам» – гр. П.А. Толстой.

Должность государственного секретаря по-прежнему исполнял А.Н. Оленин (1763–1843). 22 июля 1826 г., после почти 12-летнего пребывания исполняющим должность, он был наконец утвержден в должности (*Высшие и центральные государственные учреждения России*, 1998: 22–26, 29; Шилов, 2002: 528–532).

После воцарения Николая I в 1825 г. прошло 4 общих собрания Государственного совета (не считая чрезвычайного тайного собрания в ночь с 13 на 14 декабря). В 1826 г. общие собрания Государственного совета проходили 58 раз, т.е. в среднем даже чаще, чем раз в неделю. Начиная с октября, проводились специальные (внеочередные) заседания для рассмотрения накопившихся многочисленных уголовных дел. Перерывы в занятиях по случаю праздников, коронации (состоявшейся 22 августа в Москве) и летних «вакаций» были минимальными. Если учесть, что большинство активных членов Государственного совета одновременно заседали в соответствующих департаментах (также в среднем не реже раза в неделю), а министры руководили вверенными им ведомствами и что от участников общих собраний требовалось хотя бы беглое ознакомление с рассматривавшимися делами (а, судя по результатам голосований и особым мнениям отдельных членов Общего собрания, некоторые из них вникали в предмет обсуждения достаточно глубоко), членство в Государственном совете не было sinecurой.

В течение 1826 г. число присутствовавших на заседаниях членов Государственного совета колебалось от 22 до 7 (заседание 17 июня), в среднем около 15 человек. Отсутствовали они по болезни или «другим делам», но лишь 6 из них (А.А. Саблуков, И.И. Дибич, К.В. Нессельроде, А.Н. Голицын, Е.Ф. Канкрин, П.В. Лопухин) – более чем на половине заседаний. 11 членов Государственного совета не пропустили ни одного заседания.

Средний возраст членов Государственного совета составлял ок. 60 лет.

Самыми старыми из них были В.П. фон Дезин (86 лет, скончался 30 декабря 1826 г.), гр. М.И. Ламсдорф (81 год), гр. А.И. Морков (79 лет) и А.А. Саблуков (77 лет), самым молодым – вел. кн. Михаил Павлович (28 лет), а из не принадлежавших к императорской фамилии – бар. И.И. Дибич (41 год), гр. М.С. Воронцов (44 года), гр. К.В. Нессельроде (46 лет). 14 членов Государственного совета находились в возрасте от 76 до 67 лет, 8 – от 66 до 57 лет, 16 – от 56 до 50 лет.

Таким образом, 41 из 46 членов Государственного совета был старше 50 лет, но при этом 27 из них (почти 60 %) были моложе 70 лет, т.е. находились в пожилом (по понятиям того времени), но еще вполне дееспособном возрасте. Все они имели многолетний опыт службы на военных, дипломатических и административных должностях, причем большинство из них начинали свою карьеру на военной службе.

Военная служба (более или менее номинальная в гвардии или действительная в армии) была начальной ступенью карьеры подавляющего большинства членов Государственного совета, как и всех высших сановников того времени. Но затем многие из них занимали различные административные и судебные должности, вплоть до самых высших, что и послужило основанием для включения их в состав Государственного совета.

Начали и продолжали всю дальнейшую карьеру на гражданской службе лишь кн. А.Н. Голицын, Ф.А. Голубцов, кн. А.Б. Куракин, гр. А.И. Морков (по дипломатическому ведомству), М.М. Сперанский и кн. Н.Б. Юсупов (также по дипломатическому ведомству).

Даже министр финансов Е.Ф. Канкрин некоторое время служил в армии (помощником генерал-провиантмейстера, генерал-интендантом сначала 1-й армии, а затем всей действующей армии) и имел чин генерала от инфантерии.

Сложнее говорить об образовании. Члены Государственного совета, не окончившие один из кадетских или Пажеский корпус, получали чаще всего домашнее образование (разного качества),

а затем поступали на военную службу. Лишь некоторые из них слушали лекции в иностранных университетах. Кадетские (включая Морской) и Пажеский корпуса окончили гр. А.А. Аракчеев, А.Д. Балашов, А.У. Болотников, В.П. фон Дезин, П.К. Карцов и А.С. Шишков. Домашнее воспитание в сочетании с записью в гвардию с малолетства, а затем служба в гвардии или военная служба с самых молодых лет были в начале жизненного пути И.В. Васильчикова, гр. П.Х. Витгенштейна, кн. П.М. Волконского, гр. М.С. Воронцова (который, хотя еще в 4 года был произведен в прапорщики Преображенского полка, но детство и юность провел при отце, в Лондоне, где получил хорошее образование, и только с 21 года начал настоящую военную службу на Кавказе), П.В. Голенищева-Кутузова, кн. А.Н. Голицына, гр. М.И. Ламсдорфа, В.С. Ланского, св. кн. К.А. Ливена, кн. Д.И. Лобанова-Ростовского, кн. Я.И. Лобанова-Ростовского, кн. П.В. Лопухина, гр. Ф.В. фон дер Остен-Сакена, В.А. Пашкова, Н.Н. Раевского, кн. С.Н. Салтыкова, А.Я. Сукина, гр. А.А. Татищева, гр. П.А. Толстого и, видимо, И.В. Тутолмина. Гр. В.П. Кочубей, также записанный с малолетства в гвардию, учился в Петербурге в частном пансионе.

Ф.А. Голубцов (один из немногих членов Государственного совета, всю жизнь служивший исключительно по гражданскому ведомству) после домашнего воспитания с молодых лет начал службу в Сенате.

Образование в заграничных университетах (иногда в сочетании с записью в гвардию) получили кн. Д.В. Голицын, Е.Ф. Канкрин, кн. А.Б. Куракин, гр. С.О. Потоцкий, гр. С.П. Румянцев, П.К. фон Сухтелен и кн. Н.Б. Юсупов; в иезуитском коллеже перед тем, как поступить в морскую службу, учился гр. Ю.П. Лита; в берлинской гимназии перед поступлением в морскую, а затем в военную службу учился гр. К.В. Нессельроде. Берлинский кадетский корпус окончил бар. И.И. Дибич. В школах гардемарин в Бресте и Рошфоре учился маркиз И.И. де Траверсе.

Н.С. Мордвинов после воспитания при дворе (где он был товарищем детских игр вел. кн. Павла Петровича) изучал морское дело в Англии.

На этом фоне заметно выделяются выпускник Благородной гимназии при Московском университете гр. А.И. Морков и, конечно, семинарист М.М. Сперанский.

В подготовке большинства членов Государственного совета к службе в высшем законосовещательном учреждении России преобладал опыт административной и судебной деятельности.

В целом можно признать, что Государственный совет действительно включал в себя управленческую элиту Российской империи.

Первая встреча Николая I с Государственным советом состоялась в ночь с 13 на 14 декабря 1825 г. Но, несмотря на бурные события декабря 1825 г. и почти всего 1826 г., взаимодействие императора с высшим законодательным учреждением империи было не только постоянным, но и достаточно деловым.

Уже 14 декабря 1825 г. (под гром выстрелов на Сенатской площади) состоялось общее собрание Государственного совета, на котором отсутствовали по болезни Саблуков и гр. Литта, а «по другим делам» кн. Лобанов-Ростовский 1-й, Татищев и, конечно, гр. Милорадович. На этом заседании рассмотрели вопросы об увеличении пошлин на чай, ввозимый через Кяхту, и о разрешении на вывоз лошадей. Уже 30 декабря мемория поступила в Государственный совет с собственноручными резолюциями Николая I: по первому вопросу – «Мне известно, что без того уже по другим причинам чай весьма вздорожал, если же пошлину на него возвысить, тогда цены непомерно возвысятся», а по второму – «Составить особый комитет из началь.[ника] штаб.[а], воен. министра, министра финансов, г. Васильчикова и Мих. Павл.».

Чрезвычайное заседание 15 декабря заключалось в «изутом объяснении Государем Императором обстоятельств, причинивших последствия 14-го декабря сего 1825 года, и меры, принятые к прекращению оных», а 18 декабря «ознаменовано прибытием в присутственную комнату Его Императорского Высочества великого князя Михаила Павловича» и объявлением высочайшего повеления «о присутствовании в Государственном совете Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Павловича». Но уже 22 декабря был рассмотрен вопрос о росписи государственным доходам и расходам на 1826 г. (было решено поднести ее на высочайшее утверждение в том виде, как она составлена министром финансов), а 28 декабря – 28 уголовных дел. Все решения по ним Николай I утвердил 14 января 1826 г., причем по делу «об отставном поручике Григории Антонове, судимом за наносимые им матери своей оскорбления» добавил резолюцию «оставить в смиренном доме, доколе получит прощение от своей матери» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 17. Л. 518-538).

Новый император быстро втянулся в рутинную работу с Государственным советом. Если в последние годы царствования Александра I рассмотрение меморий Общего собрания Государственного совета затягивалось на 2 (а то и более) месяца, то при Николае I оно почти никогда не превышало 2 недель.

В 1826 г. в Государственном совете были обсуждены и приняты такие важные законодательные акты, как положение о новом устройстве лесной части и учреждении специального ученого комитета при Департаменте государственных имуществ (2ПСЗ. Т. 1. №415. 19.06.1826), высочайше утвержденные мнения Государственного совета «О преимуществах, сопряженных с награждением

купцов гражданскими чинами и кавалерскими орденами», ограничивавшие права купцов на получение дворянства по чинам и орденам (2ПСЗ. Т. 1. №640. 30.10.1826), «О распространении порядка управления удельными крестьянами на казенных» (2ПСЗ. Т. 1. №423. 24.06.1826), «О пополнении существующих узаконений о крепостном и гербовом сборах в присоединенных от Польши губерниях» (2ПСЗ. Т. 1. №751. 15.12.1826), указы «О торгах на питейный откуп в 29 Великороссийских губерниях» (2ПСЗ. Т. 1. №467. 14.07.1826), восстанавливавший упраздненную в 1817 г. систему питейных откупов, «Об уменьшении гербового сбора с паспортов для мешан и крестьян и с видов для дворовых людей в столицах» (2ПСЗ. Т. 1. №543. 22.08.1826), «О допущении некоторых облегчений по части гильдейских повинностей» (2ПСЗ. Т. 1. №458. 11.07.1826) и др.

Обсуждались и проекты серьезных реформ, получившие применение лишь в дальнейшем. 28 июня рассматривался проект министра финансов Е.Ф. Канкрин об учреждении сословия «граждан». Проект предусматривал введение нового полупривилегированного сословия путем издания манифеста и указа Сенату, приуроченных к коронации. Председатель Департамента законов В.А. Пашков высказался за то, чтобы введение нового сословия с привилегиями, «которые едва ли не равняются с правами высшего в государстве сословия», требует «в настоящих обстоятельствах строгой осторожности и тщательного соображения». Председатель Департамента гражданских и духовных дел Н.С. Мордвинов поддержал идею проекта и предложил «совокупить» наследственные гражданские права со свободой торговли и промышленности для всех сословий и с освобождением городов от постоя. И.В. Васильчиков полагал, что одновременно с введением «гражданства» необходимо «положить преграду» получению дворянства посредством «одних только чинов». В итоге восторжествовало мнение председателя Департамента государственной экономии кн. А.Б. Куракина, что «ощущая всю пользу, какая произойдет со временем от введения в России класса граждан, который и среднее состояние людей у нас поведет к лучшей образованности, и поощрит иностранных ученых и художников к прочному водворению в Империи, не опасаясь уже того, что должны будут избирать род жизни, сопряженный с платежом податей и другими невыгодами, но по настоящему положению умов и пагубных от оного последствий не видит он необходимости (доколе порядок не водворится) спешить изданием сего нового закона». Кн. А.Б. Куракин предлагал «лучше отсрочить изданием такого закона», который вводит для нового сословия свободу от рекрутской повинности и телесного наказания и, сблизив низший класс людей с высшим, «сам по себе родит в первых сперва желание, а потом решительное намерение употребления всех возможных средств быть с последними равными... Франция более всего примером служить тут может». Хотя Общее собрание Государственного совета одобрило проекты манифеста и указа, но большинство (с которым согласился и император) сочло необходимым «доколе порядок водворится, не спешить с обнародованием сего нового закона» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 18. Л. 395, 397). В результате лишь 10 апреля 1832 г. был издан манифест «Об установлении нового сословия под названием почетных граждан» (2ПСЗ. Т. 7. №5284). Не пропало втуне и мнение И.В. Васильчикова. Хотя возможность получения дворянства по чинам и орденам сохранялась в Российской империи вплоть до 1917 г., но, начиная с 1845 г., планка для достижения потомственного дворянства и по чину, и по степени орденов неоднократно повышалась (Раскин, 1996: 671-673).

Необычным было специальное рассмотрение Общим собранием Государственного совета (изложенное в особой мемории от 21 октября 1826 г.) записки тверского купца Зубчанинова (изобретателя вертикальных мельничных жерновов (Данилевский, 1947: 200; РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1828 г. Д. 80), не чуждого и литературе (РБС, 1916: 560), об обращении в пользу казны лажа на серебро (т.е. разницы в курсе серебряного и бумажного рубля) при всех подрядах и поставках. Проект Зубчанинова был представлен начальнику Главного штаба, обсуждался в Военном министерстве (с привлечением в качестве экспертов купцов – петербургского Маркелова, верейских Луничева и Мартьянова, калужского Чернова и гжатского Данилова), затем в Сенате, а после внесения по повелению Александра I в Государственный совет – в соединенных департаментах Военном и Государственной экономии. Заключение последних было вынесено на Общее собрание. Результатом обсуждения (в ходе которого предложения Зубчанинова были подвергнуты корректировке (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 208-236) стало высочайше утвержденное 27 октября 1826 г. мнение Государственного совета «О обращении лажных денег на серебро в пользу казны при всех поставках и подрядах» (2ПСЗ. Т. 1. №636). Хотя этот первый прецедент рассмотрения в Государственном совете предложений, исходящих от купечества, начинался еще при Александре I, он во многом определил дальнейшую политику Николая I в отношениях с торгово-промышленным сословием.

Ярко выразилась самостоятельная позиция Николая I по отношению к вопросам развития промышленности в другом деле. 17 июня в Общем собрании Государственного совета рассматривался вопрос о привилегии британскому подданному Смиту на изобретенный им паровой котел для «нагревания, выпаривания, перегонки, перетапливания и очищения всяких жидких и твердых тел», а также для выварки и кристаллизации соли из морской воды и перегонки всякого рода спиртов и тончайших масел. Государственный совет (в соответствии с предложением министра финансов) заключил, что воспользоваться этой привилегией Смит сможет только на казенных предприятиях, а если пожелает открыть заведение на свое имя, то должен сообразовываться с правилами

«Дополнительного постановления об устройстве гильдий» 1824 г. («Иностранный гость не может иметь никаких фабрик, заводов мельниц и никаких торговых или механических заведений, отдавать их в аренду без особого дозволения, которое предоставится только таким заведениям, коих польза будет признана. Такое дозволение дается единственно с высочайшего разрешения»). Николай I наложил следующую резолюцию: «Я считаю сие лучшим способом удушить всякую промышленность, если не давать выгод тем, кои привозят нам известные полезностью изобретения, то мы и лишимся их надолго, и отстанем от чужестранных. – По тому хочу, чтоб м.[инистр] ф.[инансов] положил именно условия, на коих можно будет дозволить ему самому устраивать свои заведения» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 18. Л. 373 об.).

Не имевший опыта участия в государственном управлении и имевший от роду почти в два раза меньше лет, чем средний возраст членов Государственного совета, Николай I с первых же дней своего царствования не только твердо и решительно управлял работой высшего законосовещательного учреждения империи, но и добросовестно вникал в предлагаемые ему для утверждения сложные и нередко весьма казусные дела. Молодой император сумел довольно быстро освоиться с непростой техникой российского законодательства и административного управления и в своих решениях демонстрировал знание предмета и скрупулезность в изучении предлагаемых вопросов. Об этом свидетельствуют его резолюции.

По делу о замене в Новороссийском крае плакатных паспортов 6-месячными билетами (рассматривалось 28 июня) император наложил резолюцию: «Сие мнение я утверждаю, но с тем, чтобы оно было общей мерой о всем государстве». По рассматривавшимся в этом же заседании правилам о плакатных паспортах и билетах: «Я против 5-го пункта означил свое мнение, а потому, применяя к оному, изготовить проект указа или предварительно рассмотреть, удобно ли исполнимо будет» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 18. Л. 395, 397).

В 1826 г. (5 апреля и 17 мая) Общему собранию Государственного совета пришлось высказать свое суждение и по поводу конфликта между Сенатом и генерал-прокурором министром юстиции кн. Д.И. Лобановым-Ростовским. При разрешении одного из гражданских дел (о продаже имения малолетних дворян Рожнятовских) сенаторы 1-го отделения III департамента утверждали, что этот вопрос может быть разрешен только на основании всеподданнейшего доклада, а министр юстиции настаивал на том, что вопрос подлежит решению Сената и при этом указывал, что «в противном случае он, министр юстиции, вынужден будет о настоящем беспорядке довести до высочайшего сведения». Сенаторы сочли, «что сие изречение министра юстиции не совместно с достоинством Сената» и решили составить об этом журнал и сделать особое представление императору. Министр юстиции запретил канцелярии Сената «приступать к сочинению каких-либо бумаг и к скрепе оных, предоставляя на волю сенаторов дать их заключению дальнейшее движение способом, какой они за лучший признают, без всякого токмо участия канцелярии». Сенаторы решили дать свое представление при «просительном письме» и довести до высочайшего сведения «посредством статс-секретаря». Николай I (в рескрипте на имя председателя Государственного совета кн. П.В. Лопухина от 25 марта 1826 г.) заметил, что «поступление ко мне бумаги в виде столь необыкновенном, никаким коренным законом не допущенным, не могло не удивить меня», и, не распечатывая пакет с представлением сенаторов, направил его в Государственный совет для распечатывания пакета и суждения, во-первых, о том, насколько законно такое обращение сенаторов к монарху, а затем и по существу вопроса.

Большинство членов Государственного совета пришло к выводу, что поскольку представить свои возражения императору через министра юстиции (как и вынести этот вопрос на общее собрание Сената) сенаторы департамента не имели возможности, то избранный ими путь, «никакими законами не воспрещенный званию сенаторов», оставался единственным, но им надлежало озаглавить свою записку не «всеподданнейшее представление», а «всеподданнейшее прошение». Император же заключил, что в данном случае наиболее применим к делу был бы п. 19. Указа от 8 сентября 1802 г. «О правах и обязанностях Сената» (ПСЗ. Т. 27. №20405), в соответствии с которым в случае разногласий Сената и генерал-прокурора «дело взносится к императорскому величеству; и тогда да предстанут пред лице его один или двое из сенаторов противного мнения с генерал-прокурором, избранные ими к объяснению всех причин, которые заставляют их оставаться при своем мнении» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1 Д. 18. Л. 253-270 об.). На этом дело (ставшее одной из последних попыток Сената отстоять свою независимость от министра юстиции) и было закончено.

Когда министр финансов предлагал отказаться от полного запрета на вывоз из России дубовой коры и желудей, открыв для такого вывоза южные порты, а на Балтийском море – Либавский и Виндавский, Николай I пометил на полях мемории: «Желаю знать, отчего назначены м.[инистром] ф.[инансов] Виндавс.[кий] и Либавс.[кий] порты для сего предмета» и только после получения разъяснения, что «для отпуски из России дубовой коры и желудей назначены из числа балтийских портов только Либавский и Виндавский потому, что в Курляндской губернии дубовые леса имеются в значительном количестве, а кожевенных заводов, на коих дубовая кора употребляется, находится мало», согласился с предлагаемой мерой (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1 Д. 18. Л. 242, 251).

На представление министра финансов (принятое к сведению Общим собранием Государственного совета 17 июня) о повышении продажных цен на соль по некоторым губерниям последовала резолюция: «Хочу, чтоб м.[инистр] ф. [инансов] мне сие подробно изъяснил» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 18. Л. 377 об.).

На меморию от 16 августа о свободе калмыков и «других азиатцев», плененных киргизами и вымениваемых у них российскими купцами (Государственный совет предлагал освобождать их по достижении 25-летнего возраста) последовала резолюция: «Я желаю знать, зачем 25 лет, а не 15, 10 или всякое другое число лет. Мне кажется, дело идет не о годах, а о правиле, можно ли торговать азиатскими невольниками. Стало, я прошу чисто решить сей вопрос, которым и все прочее кончится» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 49 об.).

При рассмотрении 9 сентября дела о привилегиях граждан г. Риги выяснилось, что жалобы последних рассматривались в особо учрежденном комитете, закрытом в 1805 г. Император оставил на полях мемории карандашную резолюцию: «Я желаю знать, по какой причине в 1805 году остановлен ход дел в комитете». Оказалось, что ни в Сенатском архиве (с делами Департамента Министерства юстиции и III департамента Сената), ни в канцелярии Общего собрания Сената, ни в Государственном архиве старых дел следов не обнаружено. Бывший производитель дел комитета Я.А. Дружинин (в 1825–1848 гг. – директор Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов (Высшие и центральные государственные учреждения, 2001: 127) отозвался, что закрытие произошло, «сколько он помнит», по высочайшему повелению с тем, чтобы дело было рассмотрено в Комиссии составления законов, «почему, быть может, и все дело передано в сию комиссию». Но и там (в делах, переданных во II отделение Собственной е.и.в. канцелярии) ничего не нашли. Последовала резолюция Николая I: «Никому ближе нельзя знать, кому дело отдано, как производителю. Как же г. Дружинин сего не помнит?» Я.А. Дружинин дал удовлетворительное объяснение, что, «как он догадывается», дело было отложено в связи с войной, что его обязанности состояли в составлении записки, сам он был отправлен за границу, где и находился в течение 1805–1807 гг., а бумаги, скорее всего, были оставлены у председателя комитета кн. П.В. Лопухина, бывшего также председателем Комиссии для составления законов (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 65-74, 91-104 об.). Никаких отрицательных последствий для службы Дружинина этот инцидент не имел.

В Общем собрании по уголовным делам 7 октября рассматривалось дело сотника Войска Донского Левицкого, обвиненного в держании без письменного вида малороссиянина Климова и о повлекшем его смерть истязании (за то, что тот проторговался, будучи сидельцем в питейном доме). Обвиняемому было вменено в наказание содержание под стражей в течение около двух лет и церковное покаяние. Но Николай I счел необходимым добавить: «Здесь упущено из виду обстоятельство, на мои глаза важное: Климов посажен был в какую-то неподвижную колоду; я таких колод по нашим узаконениям не знаю, их быть не должно, ибо их повеления нет иметь, а таковой произвольный способ содержать арестантов есть ничто иное, как пытка. Из дела видно, что человек от последствий пытки умер; дело ужасно и доказывает совершенное небрежение начальства. Оставляя на сей раз дело в том виде, как оно кончено Советом, я предписываю заготовить указ Сенату, дабы оным наистрожайше подтверждено было, чтоб никто и нигде не осмеливался выдумывать особых способов наказания или содержания под предлогом безопасности, как то, что законом определено, а кроме того велеть повсеместно осмотреть, есть еще подобные орудия, и их истребить под личную ответственностью губерн[аторов] и прокуроров» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 127 об.).

Необходимо отметить, что и члены Государственного совета весьма ответственно относились к рассматриваемым в Общем собрании делам как по важным вопросам законодательства, так и по сравнительно мелким вопросам трактовки и применения норм уголовного и гражданского законодательства. Нередко они, не соглашаясь с большинством, подавали особые мнения, представляли записки с развернутой аргументацией. При этом позиция Государственного совета не раз расходилась с решениями Сената и министра юстиции, а император, принимая окончательные решения, имел возможность выбирать между различными, причем достаточно аргументированными точками зрения.

5. Заключение

Не имевший опыта государственного управления Николай I с первых дней своего царствования должен был взаимодействовать с Государственным советом. Это взаимодействие необходимо предусматривало принятие им решений по всем вопросам законодательства, отдельных административных и судебных решений. Первые шаги молодого императора свидетельствовали о его высокой способности к самообучению технике законодательства и управления, скрупулезности в изучении вопросов, рассматривавшихся в Государственном совете.

Взаимоотношения Николая I и высшего законосовещательного учреждения Российской империи нельзя трактовать однозначно. Уверенность в своих самодержавных правах, настойчивость в выяснении деталей сочеталась с готовностью прислушаться к мнению компетентных сановников, стремлением подвергнуть спорные вопросы всестороннему обсуждению. В деятельность совета было внесено больше порядка и регулярности.

Первый год взаимодействия Николая I с Государственным советом стал хорошей школой для молодого императора.

Литература

- 2ПСЗ** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1, 7. СПб., 1830, 1833. 1579, 1044 с.
- Боханов, 2008** – Боханов А.Н. Николай I. М.: Вече, 2008. 480 с.
- Высочков, 2001** – Высочков Л.В. Николай I: человек и государь. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2001. 644 с.
- Высшие и центральные государственные учреждения России, 1998** – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 1. Высшие государственные учреждения / Отв. ред. Н.П. Ерошкин, отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 1998. 302 с.
- Высшие и центральные государственные учреждения России, 2001** – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 2. Центральные государственные учреждения / Отв. ред., отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 2001. 260 с.
- Государственность России, 2009** – Государственность России. Словарь справочник. Кн. 6. Ч. 2. М.: Наука, 2009. 397 с.
- Данилевский, 1947** – Данилевский В.В. Русская техника. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1947. 520 с.
- Ерошкин, 1981** – Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981. 252 с.
- История Государственного совета Российской империи, 2008** – История Государственного совета Российской империи. 1801–1917. Высшее законосовещательное учреждение Российской империи и верхняя палата первого российского парламента / Авт. коллектив: Соколов А.Р., Раскин Д.И., Корнева Н.М., Михайловский М.Г. СПб.: Лики России, 2008. 647 с.
- Капустина, 1993** – Капустина Т.А. Николай I // Вопросы истории. 1993. №11–12. С. 27–49.
- Корф, 1896** – Корф М.А. Император Николай I в совещательных собраниях // Сб. РИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 109–292.
- Мироненко, 1990** – Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX века. М.: Мысль, 1990. 235 с.
- Николай I: личность и эпоха** – Николай I: личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А.Н. Цамугали. СПб.: Нестор-История, 2007. 530 с.
- ПСЗ** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 27. СПб., 1830. 1122 с.
- Раскин, 1996** – Раскин Д.И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 662–830.
- РБС** – Русский биографический словарь. Т. VII. СПб., 1916.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ружицкая, 2018** – Ружицкая И.В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 312 с.
- Сыромятников, 1913** – Сыромятников Б.И. Законодательство императора Николая I // Три века: Россия от смуты до нашего времени. Т. VI. М., 1913. С. 65–96.
- Тарасов, 2008** – Тарасов Б.Н. Рыцарь самодержавия. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 478 с.
- Шилов, 2002** – Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 830 с.
- Шилов, Кузьмин, 2007** – Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи [Members of the State Council of the Russian Empire. 1801–1906: Bibliographic Directory]. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб., 2007. 992 с.
- Шильдер, 1903** – Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1–2. СПб., 1903. 902, 896 с.
- Щеглов, 1903** – Щеглов В.Г. Государственный совет в России в первый век его образования и деятельности (30 марта 1801–1901 года). Ярославль, 1903. 260 с.

References

- 2 PSZ** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii). Sobranie 2-e [The complete collection of laws of the Russian Empire). 2nd collection]. T.1, 7. SPb., 1830, 1833. 1579, 1044 p. [in Russian]
- Bohanov, 2008** – Bohanov A.N. (2008). Nikolaj I [Nicholas I]. M.: Veche. 480 p. [in Russian]
- Danilevskij, 1947** – Danilevskij V.V. (1947). Russkaja tehnika [Russian technology]. L.: Leningradskoe gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo. 520 p. [in Russian]

Eroshkin, 1981 – *Eroshkin N.P.* (1981). Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty (Pervaja polovina XIX veka) [The feudal autocracy and its political institutions (First half of the nineteenth century)]. M.: Mysl'. 252 p. [in Russian]

Gosudarstvennost' Rossii, 2009 – Gosudarstvennost' Rossii. Slovar' spravochnik [Statehood of Russia. Dictionary reference]. B. 6. P. 2. M.: Nauka, 2009. 397 p. [in Russian]

Istorija Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii, 2008 – Istorija Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii. 1801–1917. Vysshee zakonosovewatel'noe uchrezhdenie Rossijskoj imperii i verkhnyaya palata pervogo rossiyskogo parlamenta [History of the State council of the Russian Empire. 1801–1917. Higher legislative institution of the Russian Empire and the upper house of the first Russian parliament]. Team of authors: *Sokolov A.R., Raskin D.I., Korneva N.M., Mihajlovskij M.G.* SPb.: Liki Rossii, 2008. 647 p. [in Russian]

Kapustina, 1993 – *Kapustina T.A.* (1993). Nikolaj I [Nicholas I]. *Voprosy istorii*. Nr. 11–12. pp. 27–49. [in Russian]

Korf, 1896 – *Korf M.A.* (1896). Imperator Nikolaj I v sovewatel'nyh sobranijah [Emperor Nicholas I in deliberative meetings]. Collection of the Russian Historical Society. T. 98. SPb., 1896. pp. 109–292. [in Russian]

Mironenko, 1990 – *Mironenko S.V.* (1990). Stranicy tajnoj istorii samoderzhavija. Politicheskaja istorija Rossii pervoj poloviny XIX veka [Pages of the secret history of autocracy. The political history of Russia in the first half of the nineteenth century]. M.: Mysl'. 235 p. [in Russian]

Nikolaj I: lichnost' i jepoha, 2007 – Nikolaj I: lichnost' i jepoha. Novye materialy [Nikolay I: personality and epoch. New materials]. Exec. ed. *A.N. Camutali*. SPb.: Nestor-Istorija, 2007. 530 p. [in Russian]

PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e [The complete collection of laws of the Russian Empire]. 1st collection]. T. 27. SPb., 1830. 1122 p. [in Russian]

Raskin, 1996 – *Raskin D.I.* (1996). Istoricheskie realii rossijskoj gosudarstvennosti i russkogo grazhdanskogo obwestva v XIX veke [Historical realities of russian statehood and russian civil society in the nineteenth century]. Iz istorii russkoj kul'tury. T. V (19th century). M.: Jazyki russkoj kul'tury. pp. 662–830. [in Russian]

RBS – Russkij biograficheskij slovar' [Russian biographical dictionary]. T. VII. SPb., 1916. 590 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

Ruzhickaja, 2018 – *Ruzhickaja I.V.* (2018). Gosudarstvennyj sovet pri Nikolae I: osobennosti funkcionirovanija [State council under Nicholas I: features of functioning]. M.: Institut rossijskoj istorii RAN: Centr gumanitarnyh initsiativ. 312 p. [in Russian]

Shcheglov, 1903 – *Shcheglov V.G.* (1903). Gosudarstvennyj sovet v Rossii v pervyj vek ego obrazovanija i dejatel'nosti (30 marta 1801–1901 goda) [State council in Russia in the first century of its education and activities (March 30, 1801–1901)]. Jaroslavl'. 260 p. [in Russian]

Shil'der, 1903 – *Shil'der N.K.* (1903). Imperator Nikolaj I. Ego zhizn' i carstvovanie [Emperor Nicholas I. His life and reign]. T. 1–2. SPb. 902, 896 p. [in Russian]

Shilov, 2002 – *Shilov D.N.* (2002). Gosudarstvennye dejateli Rossijskoj imperii. Glavy vysshih i central'nyh uchrezhdenij. 1802–1917. Biobibliograficheskij spravochnik [Statesmen of the Russian Empire. Heads of higher and central institutions. 1802–1917. Bibliographic reference book]. 2nd ed. SPb.: Dmitrij Bulanin. 830 p. [in Russian]

Shilov, Kuz'min, 2007 – *Shilov D.N., Kuz'min Ju.A.* (2007). Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii, 1801–1906: Biobibliograficheskij spravochnik. SPb. 992 p. [in Russian]

Syromjatnikov, 1913 – *Syromjatnikov B.I.* (1913). Zakonodatel'stvo imperatora Nikolaja I. Tri veka: Rossija ot smuty do nashego vremeni [Legislation of Emperor Nicholas I. Three Centuries: Russia from Troubles to Our Time]. T. VI. . pp. 65–96. [in Russian]

Tarasov, 2008 – *Tarasov B.N.* (2008). Rycar' samoderzhavija [Knight autocracy]. M.: Olma Media Grup. 478 p. [in Russian]

Vyskochkov, 2001 – *Vyskochkov L.V.* (2001). Nikolaj I: chelovek i gosudar' [Nicholas I: a man and a sovereign]. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta. 644 p. [in Russian]

Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii, 1998 – Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii. 1801–1917. V chetyreh tomah. T. 1. Vysshie gosudarstvennye uchrezhdenija [Higher and central government institutions of Russia. 1801–1917. In four volumes. T. 1. Higher state institutions]. Exec. ed. *N.P. Eroshkin*, resp. comp. *D.I. Raskin*. SPb.: Nauka, 1998. 302 p. [in Russian]

Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii, 2001 – Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii. 1801–1917. V chetyreh tomah. T. 2. Central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija [[Higher and central government institutions of Russia. 1801–1917. In four volumes. T. 2. Central government institutions]. Exec. ed., resp. comp. *D.I. Raskin*. SPb.: Nauka, 2001. 260 p. [in Russian]

Николай I и Государственный совет: первые шаги

Давид Иосифович Раскин ^{а, *}

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена взаимоотношениям Николая I и Государственного совета в первый год царствования императора. Основным источником послужили мемории (memorandums) Общего собрания государственного совета. Именно эти документы подавались на рассмотрение императора. Его резолюции на мемориях служили основанием для утверждения (или пересмотра) решений Государственного совета. Резолюции Николая I являются важным источником изучения его позиции по важным вопросам законодательства и управления. В них отразилось стремление молодого императора вникать во все вопросы, которые предлагались на его рассмотрение. Эти резолюции свидетельствуют о том, что Николай I довольно быстро усвоил технику государственного управления и основы законодательства империи, которой он начал управлять. Они демонстрируют также уверенность, с которой не имевший опыта государственного управления император начал свою деятельность. Роль Государственного совета была в рассматриваемый период весьма значимой, причем не только в области законодательства, но и правоприменения, в принятии властью конкретных административных и судебных решений. В статье рассматривается состав Государственного совета (на время с конца 1825 г. – 1826 г.), образовательный уровень, служебный опыт и возрастные характеристики членов совета. В данный период члены Государственного совета действительно являлись бюрократической элитой Российской империи. Первые шаги совместной деятельности Николая I и Государственного совета во многом определили дальнейшее взаимодействие императора и высшего законосоветательного учреждения империи. Эти шаги стали важным опытом для самого Николая I.

Ключевые слова: Государственный совет, Российская империя, мемории, Николай I, резолюции, законодательство, управление, правоприменение, бюрократическая элита.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.raskin@mail.ru (Д.И. Раскин)